

На правах рукописи

Дударев Дмитрий Сергеевич

**Северный Кавказ глазами представителей
российского общества первой половины XIX века**

Специальность 07.00. 02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Армавир – 2016

Работа выполнена на кафедре всеобщей и отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: **Великая Наталья Николаевна,**
доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет» (г. Армавир)

Официальные оппоненты: **Гарунова Нина Нурмагомедовна,**
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России XX-XXI вв.
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет» (г. Махачкала)
Колосовская Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры истории России Гуманитарного
института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет» (г. Ставрополь)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск)

Защита состоится «16» декабря 2016 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: dissovvet.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru> Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,

кандидат исторических наук, доцент

П.П. Матющенко

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. В настоящее время проблемы Северного Кавказа постоянно находятся в центре внимания общественности. Российские кавказоведы немало сделали для того, чтобы обобщить разнообразный, в том числе и, безусловно, позитивный опыт взаимодействия Северного Кавказа и России. Это позволило в 1990-е гг. сформулировать концепцию «российскости»¹, укрепляющую идею единства двух историко-культурных массивов.

Одновременно историками изучались и периоды вооруженных столкновений, как кратковременных, так и продолжительных, включая т.н. Кавказскую войну. Но нельзя не отметить, что и в случаях силового противостояния обе стороны продолжали узнавать друг друга все ближе. «Даже в разгар Кавказской войны ... шел процесс взаимопознания, взаимовлияния и взаимотяготения народов, ослаблявший вражду и недоверие, способствовавший мирным тенденциям, общей стабилизации обстановки»².

Однако новое время бросает серьезные вызовы, проверяя на прочность российско-северокавказские отношения. В этой связи у историков возникает настоятельная необходимость вновь обратиться к тому периоду истории региона, а именно к первой половине XIX века, когда он переживал активный процесс интеграции в состав Российской империи. Это нужно для того, чтобы разобраться в исторических корнях современных проблем, вернуться к оценке тех планов и проектов, которые строились официальными властями и отдельными представителями российского общества – как сторонниками официальной линии, так и теми, кто находился к ней в оппозиции (декабристами). Следует вновь оценить взгляды современников тех событий на пути, методы и цели преобразований на Северном Кавказе, с учетом особенностей их понимания социокультурной, политической и ментальной специфики местного населения. В этом русле и будет строиться предлагаемая диссертационная работа.

Объектом изучения выступает Северный Кавказ как часть России в первой половине XIX века.

Предметом исследования являются взгляды представителей различных групп российского общества (чиновников, военных, ученых, представителей тогдашней оппозиции и др.) на пути и методы политической, социально-экономической, культурной интеграции народов Северного Кавказа с Россией.

Хронологические рамки работы охватывают первую половину XIX века. В качестве нижней хронологической грани взят 1801 год – время включения Восточной Грузии в состав России, что привело к усилению взаимосвязей с народами Северного Кавказа и необходимости их ускоренной

¹Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. 2007. № 45. Ростов н/Д, 2007. С. 88-101.

²Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003. С. 229.

интеграции в имперские структуры. Верхней хронологической границей является 1864 г., когда завершились военные действия на Западном Кавказе и в целом произошло окончательное присоединение региона к Российской империи.

Территориальные рамки исследования охватывают Северный Кавказ.

Степень изученности темы. Изучение народов региона началось еще в XVIII веке усилиями как российских, так и иностранных ученых и путешественников (И.Г. Гербер, И.Г. Георги, Я. Рейнеггс, И. Гюльденштедт, П.-С. Паллас и др.)³.

Авторов первой половины XIX века, оставивших нам описания народов Северного Кавказа, можно разделить на три группы. Первая – это представители «официального лагеря», действующие от имени правительства (командования). Вторую группу представляли сосланные на Кавказ как «государственные преступники» декабристы. Наконец, появилась еще одна группа авторов, сообщающая нам о Северном Кавказе – россияне, побывавшие в плену у горцев. Такая ситуация явилась своеобразным маркером расширения знакомства россиян с указанным регионом. Работы авторов второй и третьей групп были опубликованы в основном во второй половине XIX – начале XX века.

В рассматриваемый период увидели свет труды ученых, военных и чиновников (Ю. Клапрот, С.М. Броневский, И.Л. Дебу, И.Ф. Бларамберг и др.). Они содержали замечания и предложения по улучшению ситуации на Северном Кавказе и рассматриваются нами в качестве историографических источников. Важнейшие публикации дореформенного периода, содержавшие документальные материалы и личные наблюдения авторов, в дальнейшем вошли во все источник-историографические обзоры.

Обобщающие труды по истории региона появились в 60-е гг. XIX века⁴. Не лишены тенденциозности и вербальных штампов того времени, они выявили некоторые особенности движения горцев и учения мюридизма, под знаменем которого долгие годы шла борьба приверженцев дагестанских имамов против российских властей.

В конце XIX – начале XX века изучение событий первой половины XIX столетия на Северном Кавказе и его народов продолжилось. Работы дореформенного периода, а также документальные материалы привлекались авторами для обзора или анализа тех или иных явлений региональной истории⁵.

³См.: Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков /Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III; Бутков П.Г. Материалы для Новой Истории Кавказа с 1722 по 1803 г. В трех частях. СПб., 1869 и др.

⁴ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. М., 2007; Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860; Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003 и др.

⁵Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 8 т. СПб., 1871-1891; Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. Нальчик, 2010; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. В 3 т. М., 1888-1891; Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев, князь А.И.Барятинский, граф. Н.Н. Евдокимов. 1854-1864. М., 2007; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринодар, 1910-1913; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914 и др.

В годы Первой русской революции появилась литература, посвященная декабристам. Исследовались отдельные аспекты их пребывания на Северном Кавказе, взаимодействие с «сочувствующими» им⁶.

В советский период исследование истории региона первой половины XIX века вызвало к себе пристальное внимание. Оценки движения горцев в течение советской эпохи пережили ряд перемен. Борьба горцев с конца 1950-х гг. стала называться (национально-, народно-) освободительной против колониальной политики царизма, что придавало этой тематике большой общественный резонанс. Советские авторы при анализе исторических событий использовали не только архивные материалы, но и труды авторов первой половины XIX века⁷.

Немало работ советского периода было посвящено наследию «первенцев свободы» – декабристов и их пребыванию на Кавказе. Новый подъем в декабристоведении начинается с 1950-х гг. Учеными подробно изучалась жизнь декабристов в южной ссылке, идеализировалось их отношение к происходившим здесь событиям⁸.

В современный период, т.е. после 1991 г., развитие региона в первой половине XIX века исследовалось в целом ряде работ историков-кавказоведов, в том числе защищенных диссертаций⁹, в которых рассматривались различные

⁶ А.А. Бестужев-Марлинский и литературная деятельность. СПб., 1907; Общественное движение в России в первой половине XIX в. СПб., 1905. Т.1; Щеголев П.С. Грибоедов и декабристы. СПб., 1905; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Семенов Л.П. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. 1914. Вып. 5-6. С. 614-639.

⁷ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе. М., 1958; Его же. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX в.). Алма-Ата, 1975; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т.2. М., 1988; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989 и др.

⁸ Косвен М.О. Декабристы-кавказоведы // Этнография и история Кавказа. М., 1961; Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1-2. М., 1955-1956; Ее же. Декабристы. М., 1984; Польская Е.Г. Декабристы на Кавминводах: Странички прошлого // Кавказ. Здравница. 1962; Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963; Фадеев А. В. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 100-107.

⁹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003; Виноградов В.Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. М.; Армавир, 2006; Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 гг. в оценке современников: Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Челябинск, 2004; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 2004. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX века/отв.ред. А.И. Османов. – 2004; Виноградов В.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005; Савельев А.Е. Северо-Западный Кавказ в российском общественном сознании: конец XVIII – XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). Грозный, 2006; Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008; Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII 60-х гг. XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. URL: // <http://cat.convdocs.org/docs/index-45193.htm> (дата обращения: 17.08.16); Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в составе Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008; Бадаева Л.А. Социально-экономическое развитие и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с

границ интеграции Северного Кавказа в состав России. Публиковались содержательные сборники документов, относящихся к первой половине XIX века¹⁰. Укажем на различие в подходах к оценке интеграционных процессов – от признания завоевания края до утверждения преимущественно мирных форм его присоединения (вхождения). Примечательно, что в работах зарубежных историков, издающихся в России начиная с 1990-х гг.¹¹, авторы настаивают на завоевании Северного Кавказа Российской империей.

При этом труды российских авторов изучаемого периода все чаще становились предметом специального внимания¹². Что касается темы декабристов на Северном Кавказе, то она в начале постсоветского периода пережила спад в связи с изменением идейно-политической парадигмы в обществе¹³. Ныне декабристский феномен в целом подвергается переосмыслению¹⁴.

На сегодняшний день известен ряд исследований по интересующей нас теме, которые отражают сложность отношения декабристов к происходившему в регионе¹⁵.

Россией (1774-1813 гг.): Дис. ...к. и. н. Махачкала, 2009; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010; Пирмагомедов З.К. Социально-экономическое и политическое развитие союза сельских обществ Ахвах в XVIII-XIX вв.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2010; Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва; Майкоп. Изд-во Адыгейского государственного университета, 2010; Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Армавир, 2011; Невская Т.А., Кондрашова А.С. Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь, 2011; Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск, 2012; Норченко Е.А., Айларова С.А.. Модернизация Северного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. Владикавказ, 2013; Дубровин А.В. Кавказская война: изменение ментальности российских офицеров: 60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.: автореферат дисс. канд. ист. наук. Майкоп, 2013; Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015; Чирг А.Ю. Яркий пример государственно-правового творчества адыгов. URL: // <http://intercircass.org/?p=3587> (дата обращения : 18.08.16); и др.

¹⁰ Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля / Сост. В.Г. Гаджиев, Ю.У., Дадаев, Х.Х. Рамазанов. М., 2005; Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начала XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисцина, Б.П. Миловидов. СПб., 2005; Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014.

¹¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Москва: Прогресс-Традиция, 1997; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2001; Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX в. СПб., 2007; Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. М., 2008; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2011; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016 и др.

¹² Виноградов В., Шейха (Яндарова) А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX века). Армавир; Грозный, 1996; Великая Н.Н. Броневский С.М. о путях и методах включения Северного Кавказа в состав России // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2007. Вып.13. С. 42-52; Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI-XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь, 2009; Они же. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011; Ткаченко Д.С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны // Кавказский сборник. Т.9(41). М., 2015. С. 235-236 и др.

¹³ Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо-Восточном Кавказе: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1993. С. 172.

¹⁴ Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб; М.: Нестор-История, 2016.

¹⁵ Серова М.И. Трехбратов Б.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Краснодар, 2008; Серова М.И. Декабристы на Средней Кубани и в Армавире // Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 26. Армавир, 2000;

Тема «кавказских пленников» берет истоки в творчестве классиков отечественной литературы, имея не только социально-политическое, но и литературно-философское значение (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой)¹⁶. Однако только в самом конце 1980-х гг. к теме «кавказских пленников» первой половины XIX века обратились историки¹⁷. В 1990 – начале 2010-х гг. интерес к теме постоянно нарастал и нашел отражение в статьях и монографиях В.В. Дегоева, Ш. Казиева, М.А. Тахо-Годи, Ю.Ю. Клычникова, А.А. Цыбулькиной, Н.Н. Великой, М.В. Нечитайлова, А.И. Кругова и др.¹⁸ При этом изучались причины нахождения россиян в плену у горцев, состав пленников (офицеры, солдаты, казаки, простые обыватели) и др.

Таким образом, в настоящее время имеется обширный пласт исследований, которые освещают различные стороны исторической действительности первой половины XIX века – судьбоносного времени для Северного Кавказа, когда решался вопрос о его дальнейшей интеграции в состав России. Однако до сих пор не было произведено специального комплексного изучения процессов, шедших в регионе в указанный период, через призму взглядов современников тех событий.

Цель работы состоит в разностороннем изучении взглядов различных слоев российского общества первой половины XIX века на проблемы интеграции Северного Кавказа и социокультурный облик его жителей.

Задачи:

- 1) изучить различные предложения и проекты путей интеграции горцев в систему российской государственности официальных представителей российского общества (военных, чиновников, ученых);
- 2) рассмотреть представления российских деятелей об особенностях социокультурного и политического развития горцев Северного Кавказа в связи с их интеграцией в состав Российского государства;
- 3) изучить черты духовного развития северокавказцев в изображении российских авторов;

Кравченко В.Н. Декабрист С.И. Кривцов о своем пребывании на Западном Кавказе // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 12-й Всероссийской межвузовской конференции. Краснодар, 2004. С. 44-45; Булыгина Т.А. Декабристы на Кавказе // Ставропольский хронограф на 2006 год. Ставрополь, 2006. С. 319–326; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о Бестужево-Марлинском на Кавказе. Ч.1. М.; Армавир, 2008; Виноградов, В.Б., Люфт Е.Г. А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек». Часть 2 /Под ред. М.И. Серовой. М.; Армавир, 2009; Дударев С.Л., Дударев Д.С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа. Исторические очерки. Армавир, 2012; и др.

¹⁶См.: Каганович С.Л. Кавказские пленники в русской литературе. М., 2009.

¹⁷Головлев А.А. К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С.38-42; Дударев С.Л. О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. // Там же. С.42-45.

¹⁸Основную библиографию о «кавказских пленниках» см. в работах: Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. /Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2013. С.84-91; Ее же. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.9(41). М., 2015. С. 90-101; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа. 1829-1859. М., 2016; Дударев С.Л., Дударев Д. С., Ктиторова О.В., Цыбулькинова А. А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа). Армавир, 2014. С. 175-196.

- 4) выяснить взгляды представителей оппозиции на особенности развития горцев и их интеграцию в социально-политическую и культурную среду России;
- 5) проанализировать отношение декабристов и радикальных демократов к военным действиям в регионе в первой половине XIX века;
- 6) рассмотреть обстоятельства захвата, условия пребывания и статус российских пленников в горской среде;
- 7) проанализировать черты социально-политического устройства и повседневного быта горцев, элементы российско-северокавказской интеграции глазами пленников;
- 8) охарактеризовать образы горского мира и горцев по мемуарам пленников;
- 9) сравнить представления различных слоев российского общества на развитие региона и его интеграцию в состав Российской империи.

Методология исследования. Основными исследовательскими принципами явились историзм, объективность, системность. Первый предполагает изучение событий и явлений в их становлении и развитии. Объективность требует от исследователя отказа от партийно-групповых и личностных пристрастий. Использование системного подхода позволяет представить взгляды различных слоев российского общества на развитие региона и интеграционные процессы как систему и выявить совокупность ее элементов. Необходимым является и междисциплинарный подход в изучении мирных форм взаимодействия России и Северного Кавказа с привлечением социологических, культурологических и иных данных. В работе использовался и событийно-интегративный принцип, определяющий весь ход мирового исторического развития от локальности к интеграции¹⁹.

Автор считает правомерным использование нескольких научных парадигм, что соответствует принципу плюрализма и позволяет многомерно исследовать историческую действительность, вполне соответствуя тем подходам, которые утвердились в современную эпоху²⁰.

В диссертации для характеристики образов горцев в представлении российских ученых, декабристов, плененных россиян и др. применены подходы имагологии и «новой локальной истории», в русле которых можно реконструировать образ «типичного» и «другого» представителя эпохи и/или нации²¹.

Работа тесно связана с вопросом о взаимодействии и взаимовоздействии различных этнокультурных групп. По этому поводу на протяжении ряда лет идут дискуссии относительно использования понятий «фронтир» и «контактная

¹⁹См.: Основные этапы всемирной истории /Под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир, 2009. С. 194-195.

²⁰Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2011. С.33; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 242-275.

²¹Булыгина Т.А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент//Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007-2014 гг. Ставрополь, 2014. С. 113-117.

зона»²². Некоторые специалисты считают возможным совмещать теории модернизации и фронта применительно к Северному Кавказу²³. При рассмотрении российско-горских взаимоотношений мы руководствовались концепцией российскости, разрабатываемой Кавказоведческой Школой профессора В.Б. Виноградова²⁴.

При рассмотрении темы автором использовались разнообразные методы. Историко-генетический позволил проследить истоки знаний о народах Северного Кавказа. Историко-сравнительный метод дал возможность сравнить взгляды различных слоев российского общества на ситуацию на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Историко-системный метод позволил комплексно представить взгляды определенных групп на социально-политическое и культурное развитие горцев региона и их интеграцию в состав России.

Источники. Совокупность привлеченных источников (как опубликованных, так и неопубликованных) представлена в работе следующими группами:

- *законодательные источники* (законодательство Российской империи (ПСЗРИ)²⁵, касающиеся вопросов торговли с горцами, регулирования властями положения горских ясырей (холопов) и людей, побывавших в горском плену, предоставления вакансий горцам для поступления в российские военные учреждения, особенностей содержания горских выпускников этих учреждений по месту будущей военной службы, попечения о пленных горцах, административного устройства тех или иных горских народов и т.д.;

- *нормативные источники*. Среди них присутствуют: *собственноручные памятные записки* российских государей²⁶. Они характеризуют политику России в регионе, ее основные направления и особенности; *деловые акты*:

²²См.: Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона (§ 1.1. Южнороссийский фронт: особенности расширения границ Российской империи на южном направлении (середина XVIII – первая половина XIX вв.). Ростов н/Д, 2012. С. 7-31; Голованова С.А. Теория фронта и проблемы изучения южных границ России (к постановке проблемы) // Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. (Семинары № 14 и 15). Армавир; Ставрополь, 2010. С. 14-21; Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронте // Научная мысль Кавказа. -2006. -№ 3.- С. 76-83; Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск, 2014. С. 19.

²³Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Модернизация и фронт в условиях Северного Кавказа: имперский и советский опыт // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2014. С. 35-43.

²⁴См.: Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути. Армавир-Ставрополь, 2013. С. 23-32.

²⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII.14 марта 1838 г. «О мере вознаграждения за выкуп и вымен пленных Ясырей». № 11049; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII, отд.1. 24 мая 1842 г. «О отправлении пленных горцев, оказавшихся за старостию и дряхлостию неспособными к крепостной работе, в богоугодные заведения». № 15678; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII, отд. 2.16 ноября 1842 г. «О предоставлении захваченным в Кавказской области горским хищникам людям, по освобождении из плена, права на избрание рода жизни». № 16215 и др.

²⁶ Собственноручная записка его императорского величества императора Николая I, в 1842 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начала XX вв. СПб., 2005. С. 141; Собственноручная памятная записка императора Николая I командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту А.И. Нейгардту, 1842 г. // Там же. С. 382 и др.

рапорты, предписания, «мнения», мемории, записки, проекты и т.п., написанные военными и гражданскими деятелями российской высшей и кавказской администрации²⁷. В диссертации представлены документы, опубликованные в Актах Кавказской археографической комиссии (АКАК). Наибольший интерес представляют материалы тт. II-XII, в которых приводятся мероприятия кавказской администрации о регулировании положения горских и степных народов региона и др.²⁸;

- *историографические источники*. Среди них *труды военных историков, описания и обозрения Кавказского края*²⁹, представленные как изданными, так и неизданными материалами (ГАКК³⁰; ГАСК³¹); *обзоры путешествий*, совершенных на Северный Кавказ³²; тексты провинциальных историков, историков-любителей, краеведов³³;

- *делопроизводственная документация*. Она представлена официальной перепиской высших военных властей с командованием на Кавказе и местных чиновников с Петербургом (РГВИА. Ф.38; Ф. ВУА; ОРГБ, Ф.169; РГИА, Ф.1268). Анализ материалов из данных фондов демонстрирует подходы представителей официального лагеря к решению проблем Северного Кавказа;

- *источники личного происхождения*. Это прежде всего *мемуарные и эпистолярные свидетельства* военных, реже гражданских, лиц³⁴, отразивших

²⁷ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. 1943. Всеподданнейший рапорт главнокомандующего в Грузии генерал-лейтенанта князя П.Д. Цицианова, 23 марта 1804 г., № 7. С. 952-955; Мнение адмирала Н.С. Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия, 1816 г. // Кавказ и Российская империя... С. 265-269; Мемория генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // Там же. С. 41-45; Проект программы описания горских народов полковника В.Е. Галямина (Публикация и комментарии Т.А. Колосовской) // Кавказский сборник. Т.9 (41). М., 2015. С. 172-179; и др.

²⁸ АКАК. Тифлис, 1868. Т. VIII. «Отношение барона Розена к графу Чернышеву от 13 апреля 1833 года. № 211. С. 628-629; Там же. «Отношение гр. Чернышева к барону Розену от 4 апреля 1834 года». № 305. С. 631-635; Там же. «Рапорт шт.-к. князя Шаховского барону Розену, от 24 ноября 1834 года». № 42. С. 635-637; Там же. «Рапорт Керчь-Еникальскому градоначальнику кн. Херхеулидзе гр. Воронцову, от 5 августа 1835 года». № 3425. С. 638-640; Там же. «Рапорт генерал Вельяминова барону Розену от 25-го мая 1837 года. № 288. — Лагерь на р. Пшадь». С. 766-767.

²⁹ Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т.1 и 2. СПб., 2004; Дебу И. О Кавказской Линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой URL: // http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 19.10.2015); Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик, 2011. Вып. VIII. С. 81-144 и др.

³⁰ ГАКК.Ф.249. Оп.1. Д. 3028. Л. 88.

³¹ «Статистическое описание частей Ставропольского и Пятигорского округов, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Калмбергом в 1834 г.». 94 л. // ГАСК. Ф. 79. Оп.1. Д. 1508.

³² Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества, императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. Нальчик, 2008.

³³ Юхотников Ф. Письма с Кавказа. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. С. 21-38; Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. - Нальчик: Издательство М.и В.Котляровых, 2010; Кавказские этюды. Исследования и заметки Е.Г. Вейденбаума. Тифлис, 1901. С. 216-281.

³⁴ Мои воспоминания 1845-1846 гг. князя А.М. Дондукова-Корсакова. Часть II. СПб., 1903; Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Нальчик, 2011; Скарятин В. Рассказ старого кавказца / Юхотников Ф. Письма с Кавказа. Нальчик, 2011; Кундухов М.А. Мемуары. Владикавказ, 2013; Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861-1863). Нальчик, 2011; Письмо Игельстрема к Крюкову А.А. // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 292-294; Розен А.Е. Письма декабриста / Подготовил Г.А. Невелев. СПб., 2008;

непосредственные впечатления от знакомства с северокавказской действительностью. К этой группе относятся и воспоминания «кавказских пленников»³⁵. Произведения мемуарного свойства (в том числе литературные) принадлежат и декабристам³⁶;

- публицистическая и художественная литература. Это материалы периодической печати: статьи (и отклики на них) участников событий первой половины XIX века на Северном Кавказе³⁷; литературные произведения, отразившие многие стороны жизни и быта населения региона в первой половине XIX века³⁸. В целом накоплен немалый пласт источников, который требует своего дальнейшего осмысления.

Научная новизна диссертационной работы состоит в следующем:

1. Установлено различие воззрений на проблемы Северного Кавказа и его народы у представителей трех групп российского общества (представителей официальной России, оппозиции, «кавказских пленников»); впервые проведены соответствующие сравнения.

2. Выявлены основные предложения ученых, военных и чиновников о способах интеграции горцев в состав Российской империи, сочетавших в разной степени военные и мирные методы, и сделан вывод о том, что кавказская политика России была разновекторной, что негативно отражалось на степени вовлеченности населения Северного Кавказа в общероссийские процессы.

3. Определены взгляды российских деятелей на особенности социокультурного и политического развития горского общества. Впервые представлена динамика взглядов на отношение к горским набегам, т.н. «хищничеству» (от крайне негативных до попыток выявления социальных, ментальных и других причин), и степени интеграции различных групп горцев в российский социум (от неустойчивого восприятия ими нового образа жизни до разрыва с традиционной средой).

4. Установлено, что, изучая развитие религиозных верований у народов Северного Кавказа, в т.ч. мюридизма, представители официальной России уже в первой половине XIX века указали на политический, а не на религиозный характер военного сопротивления части горцев российскому правительству.

Пушин М.И. Записки // Русский Архив. 1908. № 11. С. 410-464; Сутгоф А.Н. Записки А.Н. Сутгофа от 14 декабря 1825 г. // Былое. 1907. №4. С. 167-172; и др.

³⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000; Кавказ: В плену у горцев. Т. 1-2. Нальчик, 2013 и др.

³⁶ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 2009; Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т. 1-2. М., 1958; Кавказские записки декабриста В.С. Толстого (публикация В.А. Захарова) // Сборник русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000. С. 109-149; Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984; Розен А.Е. Письма декабриста. СПб., 2008; Назимов М.А. Письма, статьи. Иркутск, 1985 и др.

³⁷ Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Кавказ и Российская империя... С. 584-590; Августинович Н. По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе // Там же. С. 590-601; и др.

³⁸ Пушкин А.С. Кавказский пленник... Т.3. С. 87-117; Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года//Опальные: Русские писатели открывают Кавказ... С. 404-421; Лермонтов М.Ю. Кавказский пленник... С. 127-146; Толстой Л.Н. Казаки // Л.Н. Толстой. Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 166-188 и др.

5. Проведен анализ высказываний декабристов о народах Северного Кавказа и о ситуации в регионе в целом, в результате чего обосновано положение об отсутствии единых воззрений в лагере оппозиции, где были представители и имперских взглядов. В то же время у представителей оппозиционного лагеря большей частью отсутствовали ориенталистские предрассудки в отношении горцев.

6. Установлены обстоятельства захвата, условия пребывания и статус российских пленников в горской среде. Общение с пленниками происходило с помощью общеупотребительной лексики («койнэ»), включавшей слова из русского, тюркских и горских языков. Выделены такие градации среди пленных, как «пленник-гость» и «пленник – младший член семьи». Положение пленника зависело от его личностных качеств, способности установить хорошие отношения с хозяевами и их окружением, стремления поменять идентичность.

7. Доказано, что в мемуарах бывших пленников встречаются как отрицательные, так и положительные оценки горцев. Горский мир показывается во всех сложностях и противоречиях. В мемуарах признается *равноценность Другого*, т.е. горцев. Это стало отражением лучшего познания россиянами горского общества в первой половине XIX века.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В первой половине XIX века проблемами взаимоотношений Северного Кавказа и его жителей с Большой Россией интересовались представители ряда групп российского общества, которые относились к различным социально-политическим «лагерям» – официальному, оппозиционному (декабристы, радикальные демократы), маргинальному³⁹ («кавказские пленники»). В их отношении к горцам и горскому миру выявляются отличия, которые характеризуются неодинаковой степенью понимания специфики горского социума и его членов.

2. Политика Российского государства, судя по анализу документов, исходящих из официального лагеря, при наличии общей установки на мироустройство, характеризовалась разновекторностью и противоречивостью, включала в себя как мирные методы, так и жесткое силовое воздействие. Правительство стремилось к включению коренного населения в систему российской государственности, но не к его ликвидации. Однако четкой концепции в отношении методов присоединения Северного Кавказа в первой половине XIX века не существовало.

3. Российские авторы интересовались особенностями социокультурного и политического устройства горского общества. Уже в первой половине XIX века российские ученые, военные и чиновники проделали показательную эволюцию взглядов на природу т.н. горского «хищничества»: от рассуждений о едва ли не

³⁹ Этот термин в данном случае, в определенной мере, условен. Пленники по самому своему нахождению в неволе, на грани культур и статусов определенно были маргиналами. Однако ряд из них являлись «маргиналами» временно.

«зоологической» его природе до квалифицированных попыток объяснить набеговую практику системой общественных отношений, взглядов, маскулинных, «рыцарских» ценностей, встроженных в систему социализации.

4. Анализ работ официальных российских авторов показал, что в процессе интеграции горцев в российские государственные структуры, усвоения ими элементов европейской и российской культуры среди них складывались группы, отличавшиеся друг от друга уровнем освоения инородных культурных и политических традиций, степенью интегрированности в российские социальные и т.п. структуры, что влияло на характер взаимодействия их представителей с традиционной средой (возврат в нее, контакты с ней, сильный отрыв от таковой).

5. Работы представителей официальной России показывают эволюцию религиозных верований горцев в направлении синкретического слияния дополитеистических и политеистических религиозных систем. Взгляды на мюридизм российских авторов также пережили эволюцию от толкования ислама и его традиций как «изуверства» до понимания системообразующей роли этой религии для социальной жизни горцев и освоения ими через шариатские традиции навыков государственной дисциплины, как ступени на пути будущего восприятия российских порядков.

6. Представители оппозиционного лагеря (декабристы, радикальные демократы) заметно отличались друг от друга по степени понимания проблем интеграции Северного Кавказа и его жителей в состав Российского государства и политики империи по отношению к горцам. Они описывали их мир преимущественно без ориенталистских предубеждений, подготавливая россиян к позитивному восприятию горцев (А.А. Бестужев-Марлинский).

7. Часть декабристов критиковала силовые действия России и отдельных ее представителей на Кавказе, другие высказывались за депортацию горцев во внутренние районы России и с пониманием относились к «репрессалиям» вообще, в чем были близки авторам из официального лагеря. Совпадения наблюдались и в реальных конструктивных предложениях обустройства края. Одни декабристы вынужденно участвовали в военных действиях, другие вполне осознанно выполняли свой воинский долг. В целом нельзя идеализировать оппозицию в ее отношении к горцам и политике империи, как это делалось в советский период.

8. Практика захвата, транспортировки, продажи пленных, их выкупа или обмена, использования в хозяйстве была хорошо отработана и широко распространена среди населения Северного Кавказа. Общение с ними происходило с помощью своеобразного языка – общеупотребительной многокомпонентной лексики, включавшей слова из русского, тюркских и горских языков. Статус пленника в неволе в ряде случаев зависел от его личностных качеств, а также способностей устанавливать отношения с хозяевами и их окружением, стремления адаптироваться в горском обществе.

9. Общение горцев с пленными было противоречивым. С одной стороны, оно отражало любопытство к представителям Иномира. С другой – имело место

негативное восприятие пленников. В целом уровень знаний о «русском мире» в горской среде был низким, несмотря на некоторые познания горцами реалий внутрироссийской жизни. То же можно сказать о знаниях россиян о «горском мире». Однако длительное нахождение в плену позволяло по-иному («изнутри») оценить обычаи и традиции горцев, лучше понять особенности быта и социально-политического устройства жителей гор, постепенно прийти к идее их равноценности остальным россиянам.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее основные положения могут быть использованы для написания научных монографий по истории северокавказского региона, особенно в части взаимоотношений Российского государства с населением Северного Кавказа в первой половине XIX века, в том числе российской политики в регионе. Выводы автора важны при изучении особенностей формирования горских элит и национальной интеллигенции, опыта взаимоотношений между кавказцами и русскими в экстремальных условиях (горский плен), концепций российскости и ориентализма, межэтнического и межконфессионального взаимодействия между народами России и т.д.

Практическая значимость работы. Материалы работы могут быть использованы для подготовки дисциплин по выбору в вузе в рамках бакалавриата и магистратуры, а также для просветительской и воспитательной работы в средней школе, поскольку знакомят с особенностями сложного, противоречивого, но поступательного движения представителей Большой России и горцев по пути интеграции в рамках единого государственного пространства, выработки взаимопонимания и взаимоуважения.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальностей ВАК. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.02. – Отечественная история. Область исследования: п.2. – Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п.3. – Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; п.10. – Национальная политика Российского государства и её реализация. История национальных отношений; п.21. – История экономического развития России, ее регионов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета. Основные положения работы изложены в выступлениях на научных и научно-практических конференциях: трех Всероссийских, трех Международных, межрегиональной, двух вузовских (Армавир, Ставрополь, Карачаевск). По теме диссертации опубликовано 29 статей, из них 4 из списка изданий, рекомендованных ВАК. Общий объем – 14 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, указаны цель и задачи работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, степень изученности, источниковая база и методологические подходы.

Первая глава «Официальные представители российского общества первой половины XIX века (военные, чиновники, ученые) о проблемах Северного Кавказа и отношении к его населению» состоит из трех параграфов.

Восприятие разнородным российским обществом первой половины XIX века Северного Кавказа и его жителей было многоплановым. К рассмотрению кавказских проблем обращались как представители «официального лагеря», в который мы включаем основную массу военных деятелей России, гражданских чиновников, ученых, так и оппозиции (декабристы, сосланные на Кавказ в качестве «государственных преступников», радикальные демократы). Кроме того, впечатления о своем знакомстве с миром горцев оставили те, кого по традиции, идущей от А.С. Пушкина, можно назвать «кавказскими пленниками». У всех трех выделенных нами групп были свои особенности в видении северокавказцев, реалий их быта и проблем взаимоотношений с Большой Россией. В данной главе подвергаются анализу те аспекты взаимодействия российского общества с горскими народами, которые оказались в фокусе внимания первой группы свидетелей и участников исторических контактов России и горцев.

Первый параграф «Предложения путей интеграции горцев в систему российской государственности» характеризует различные предложения представителей официального лагеря по части решения проблем Северного Кавказа. Одни из них были включены в опубликованные работы, другие осели в архивах либо увидели свет в конце XX – начале XXI века. В рассматриваемый период были разработаны многочисленные проекты обустройства Северного Кавказа, которые включали как силовые (в том числе откровенно репрессивные) методы воздействия на горцев, так и хозяйственно-культурные, целью которых было включение автохтонных жителей края в российское социополитическое пространство (П.Д. Цицианов, Н.С. Мордвинов, А.А. Вельяминов, В.Е. Галямин, М.Ф. Кудашев, Н.Н. Раевский, Д.А. Милютин и др.). Среди прозвучавших мнений не было единства, что отражалось и на политическом курсе правительства, который был разновекторным. В целом, на кавказском направлении он подчинялся мироустроительным установкам российской монархии и не имел цели уничтожения северокавказцев. Те или иные проекты не были реализованы потому, что наткнулись на пассивность и недобросовестность чиновников. Ряд высказываемых предложений отчасти опережал сложившуюся ситуацию, указывая на конкретные перспективы интеграционных процессов. Единой и четко выстроенной стратегии вовлечения изучаемого региона в разнообразные внутрироссийские процессы, в том числе

и хозяйственные, в тот момент не существовало. В лучшем случае вырабатывались ее первые приблизительные контуры.

Во втором параграфе «Российские деятели об особенностях социокультурного и политического развития горцев Северного Кавказа в связи с их интеграцией в состав Российского государства» анализируются оценки российских авторов первой половины XIX века, реалий горской жизни того времени. Одной из наиболее животрепещущих тем было горское «хищничество». Первые шаги фронтального ознакомления с жизнью народов Северного Кавказа, в том числе горской социальной действительностью, привели военных и чиновников к жестким оценкам в адрес автохтонов (С.М. Броневский). Более лояльно высказывался Ю. Клапрот, однако и у него можно встретить заключение о «естественной склонности» горцев к грабежу. Одновременно у Ю. Клапрота можно видеть появление концепции «благородного дикаря», влияние которой можно проследить и в труде И.Ф. Бларамберга, и в других литературных и исторических сочинениях XIX века. Однако постепенно тон заключений авторов менялся. Они, в лице своих наиболее передовых и компетентных представителей, стремились глубже понять причины набеговой практики, объясняя ее социально-экономическими и ментально-этическими факторами, связанными с особенностями исторического развития местного населения (К.Ф. Сталь и др.). Выяснение действительных причин набегов и феномена «молодечества» у горцев сделало важные шаги в направлении изучения их реальной подоплеки.

Большой интерес проявляли российские авторы и к личностям горцев, находившихся на российской службе. Их работы позволяют проследить постепенную интеграцию ряда выходцев из верхов северокавказской знати в российскую социокультурную и политическую среду. Оно было нелинейным и сопровождалось порой возвратом поверхностно «европеизированных» горских лидеров в «национальную» среду, но неуклонно развивалось по пути все более глубокого освоения российских культурных и политических традиций. По характеристикам, данным российскими авторами, можно выделить несколько групп горского дворянства, находившихся на службе у Российского государства, отличающихся друг от друга степенью интегрированности в российскую сферу. Наивысшей ступенью эволюции этих групп было появление горских просветителей, которые видели будущность своих народов в составе нового Отечества.

В третьем параграфе «Духовное развитие горцев в восприятии представителей России» рассматриваются наблюдения российских авторов из официального лагеря о духовно-религиозных воззрениях северокавказцев первой половины XIX века. И.Л. Дебу, А.А. Бегичев, А.И. Барятинский и др. выявили сложную конфессиональную ситуацию в регионе, тесное переплетение различных религиозных воззрений, многокомпонентность которых придавала своеобразие местным вариантам как христианства (осетины), так и ислама (западные адыги и др.). Сведения, предоставляемые российскими авторами, показали, что под внешней оболочкой мусульманства

сохранялись сильные пережитки дополитеистических и политеистических верований. В определенных случаях это ярко указывает на чисто политический, а не религиозный характер военного противостояния в регионе.

Работы и документы официального характера первой половины XIX века показывают, что российские власть и общество в указанное время все больше отказывались от принудительных методов «привязывания» горцев к российской государственности, особенно в такой тонкой и деликатной сфере, как вероисповедание, искали варианты наиболее рационального конфессионального обустройства народов Северного Кавказа в составе России. Например, М.С. Воронцов призывал избегать прозелитизма, будучи убежденным, что в исламе нет препятствий мусульманам быть верными подданными христианского государя. Но российская сторона должна применять все *законные меры* для устранения из России всех тех магометан иностранного происхождения, которые переходят в страну для «проповедания правил, для нас опасных и вредных», сеющих фанатизм и ненависть (1847 г.)⁴⁰. Дальновидность такого предписания наместника Кавказа очевидна и актуальна поныне.

Вторая глава «Декабристы о народах Северного Кавказа и ситуации в регионе в первой половине XIX века» состоит из двух параграфов и освещает отношение декабристов и радикальных демократов к северокавказским проблемам.

В первом параграфе «Декабристы о народах Северного Кавказа в первой половине XIX века» рассматриваются взгляды оппозиционеров на хозяйственно-культурное и социальное развитие горцев региона. Декабристы в этом отношении не были монолитной группой, имевшей по поводу Северного Кавказа и его населения, а также методов и перспектив дальнейшего освоения региона российскими государственными структурами единого мнения.

Характеризуя хозяйственный и культурно-бытовой уклад местных народов и их мировоззрение, декабристы давали свободную от предвзятости, но в то же время критическую оценку событиям и процессам, свидетелями которых они были во время кавказской ссылки. Мнение об уровне хозяйственного развития автохтонов Северного Кавказа у декабристов было невысоким. Особенно это касалось земледелия. Но декабристы считали такое положение временным и высказывали надежды на его развитие в будущем, подразумевая дальнейшую интеграцию местных жителей в состав Российского государства. У них сформировалось свое видение преобразований на Северном Кавказе. А.А. Бестужев-Марлинский предлагал устроить гостиничный бизнес для иностранцев в наиболее живописных местах Северного Кавказа, что перекликается с современными проектами. А.Е. Розен считал необходимым дать горцам «всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу». Ряд декабристов (С.И. Кривцов, А.П. Беляев, Н.И. Лорер) обращали внимание на улучшение методов ведения сельского хозяйства, распространение передового опыта России в этой отрасли. Декабристы, как и представители

⁴⁰ Кавказский вектор российской политики... С. 615.

радикально-демократического лагеря, ратовали за развитие не только экономики, но и просвещения у народов региона, которое, с их точки зрения, было не вполне успешным.

Проживая на Северном Кавказе иногда не одно десятилетие, декабристы научились неплохо понимать менталитет горцев. А.А. Бестужев по степени своего стремления постичь душу «Востока», к которому он относил и Кавказ, принадлежит к числу наиболее передовых людей того времени, чуждых ориентализму.

Во втором параграфе «Декабристы о военных действиях в регионе в первой половине XIX века» анализируется отношение представителей тогдашней российской оппозиции к военным действиям на Кавказе. Все декабристы участвовали в военных операциях и дали оценки им и некоторым российским военачальникам, например, Г.Х. Зассу. И здесь их мнения разделились.

А.П. Беляев характеризовал действия России на Северном Кавказе как многолетнюю борьбу цивилизации с варварством, искупительного креста с полумесяцем, т.е. в мессианском духе, которого в целом была лишена официальная деятельность российской администрации. Один из главных идеологов декабризма (П.И. Пестель) планировал выселение немирных жителей Кавказа вглубь России. А.Е. Розен говорил о необходимости «репрессалий», чего требовала и реальная обстановка, и специфический менталитет горцев, уважавших только сильных соперников. Но другие декабристы (Н.И. Лорер) делали справедливые замечания по поводу порой чрезмерной жестокости по отношению к горцам. Уничтожение целых аулов не оправдывало в их глазах своей цели.

Поведение самих декабристов на войне с горцами зависело от тех драматических обстоятельств, в которых они оказались. Они стремились к своей «реабилитации» в российском обществе и, воюя, как осуждали свои занятия, так и оказывались увлечены повседневной батальной действительностью, стремясь нанести урон горцам, как врагам. У них можно видеть оттенки как неприязни, так и сочувствия неприятелю, мужеством которого они, не скрывая, восхищались. В то же время ссыльные офицеры-декабристы, несмотря на свой статус «государственных преступников», не предпринимали попыток бежать к горцам. Они, надо полагать, не считали горцев потенциальными «союзниками» в борьбе с режимом, ощущали себя, несмотря на явную ущемленность в правах, членами российского социума со всеми его сословными понятиями и ценностями, не видели себя в мире горцев, который находился на пути трудной, драматической интеграции в российское цивилизационное и государственное пространство.

Третья глава характеризует «Общественно-политический и бытовой уклад горцев Северного Кавказа через призму взгляда «кавказских пленников». Мемуары «кавказских пленников» являются отражением реальных жизненных ситуаций, в которые попадали пленные россияне. Они

позволили открыть многие новые грани восприятия представителями «русского мира» горской действительности, особенно ее людей и героев.

В первом параграфе «Обстоятельства захвата, условия пребывания и статус российских пленников в горской среде» показано, что практика захвата и продажи пленных была широко распространенной среди населения Кавказа и во многом стимулировалась спросом на невольников, существовавшим на рынках Ближнего и Среднего Востока. Одновременно труд рабов применялся и в хозяйстве местных народов в качестве социально-экономического уклада. Существовала отработанная технология захвата и транспортировки пленных, которая указывает на давние традиции этого вида промысла в горской среде.

Судьбы российских пленников, захваченных во время военных действий или набегов, нередко зависели от возможностей их выкупа или обмена, в результате которого они могли вернуть свое положение. Материальное положение пленника могло быть заранее известно похитителям, если захват специально планировался (такие пленники могли рассматриваться как «гости»: княгини Чавчавадзе и Орбелиани, Ф.Ф. Торнау и др.), либо устанавливалось потом. Переговоры на этот счет могли длиться долго, поскольку задачей горской стороны было получение максимальной выгоды.

Для многих плен мог завершиться сменой идентичности и переходом в иную конфессиональную и социальную сферу. Это влекло за собой некоторое повышение статуса и превращение в «младшего члена семьи». Положение пленника в неволе в ряде случаев зависело от того, насколько решительно он мог отстаивать в сложившихся условиях свое человеческое достоинство, а также установить отношения с хозяевами и их окружением, основанные на учете менталитета и традиций горцев, интересе к их языку и культуре, образу жизни. Но это не влияло на перспективы освобождения. В то же время, полная отчужденность пленника от окружающей среды усиливала отрицательное влияние на его содержание. Побег во всех случаях резко ухудшал положение пленника, приводя к более тяжелым мучениям и страданиям в связи с применением к нему очень жесткого (даже жестокого) режима содержания. Но это не останавливало пленников от попыток обрести свободу. В этих случаях им иногда оказывали помощь горянки (очень редко – горцы), проявлявшие к пленникам сочувствие, либо беглые солдаты-татары.

Во втором параграфе «Черты социально-политического устройства и повседневного быта горцев, элементы российско-северокавказской интеграции глазами пленников» рассматривается сфера повседневной жизни местного населения. Знакомство пленников с жизнью горцев часто начиналось через посредничество беглых россиян, в том числе дезертиров, которые выступали в роли связующей среды между пленными и горцами и способствовали их адаптации в местной среде. Общение с пленными еще на стадии захвата шло на русском языке. Знание его горцами не было широким, но он становился необходим для общения при меновой торговле, установлении куначества, а также в разведывательных целях. Общение между горцами и россиянами в условиях недостаточного распространения русского языка как средства

межэтнического общения происходило также с помощью своеобразного языка, который мы условно именуем «койнэ», т.е. общеупотребительной для всех заинтересованных сторон лексики, являвшейся смесью русских, тюркских, горско-кавказских, арабских и иных слов.

Общение горцев с пленными было наделено противоречивыми чертами. С одной стороны, оно отражало неподдельное любопытство к представителям Иномира членов относительно замкнутых сельских обществ, для которых появление таких «гостей» было маленьким прорывом на культурно-информационном уровне и нарушением монотонности повседневной жизни. С другой, прослеживается враждебное восприятие пленников, как посланцев чуждой среды, с которой велись военные действия. В целом уровень информированности о «русском мире» в горской среде был низким, при этом у горцев присутствовало ощущение своего превосходства, как представителей «верхнего» в ландшафтном и ментальном отношении мира.

Наблюдения пленников касаются достаточно широкого спектра социокультурной жизни и повседневного быта горцев. Их интересовал статус имама Шамиля, его внутренняя политика, социальные противоречия внутри имамата (Н. Волконский, И. Клиnger и др.), положение горского дворянства (там, где они с ним сталкивались), реже – других слоев общества, те или иные детали повседневного существования: пища, одежда, особенности домостроительства, религиозные верования и обряды (Ф.Ф. Торнау, С. Беляев). Сфера межличностных отношений особенно интересовала пленниц (княгини А.И. и В.И. Чавчавадзе, казачка С. Гончаренко). Наиболее образованные пленники проявляли интерес к проблемам экономических и природных ресурсов (И. Орбелиани, И. Загорский). Мемуары людей, побывавших в горской неволе, в целом отличаются высокой степенью достоверности сообщаемых сведений, хотя и не лишены некоторых ошибок. Впечатления пленников позволяют корректировать наши представления о знании горцами реалий внутрироссийской жизни (знакомство горцев с российской прессой, оборотом ценных бумаг, придворной эмблематикой).

В третьем параграфе «Образы горского мира и горцев по мемуарам пленников» анализируются впечатления российских пленников, особенности освоения ими реалий мира горцев. Они противоречивы и содержат в себе как отрицательные, так и положительные моменты. Некоторые описания горцев подвержены тенденциозности. На первый план выступают прежде всего негативные оценки личностей горцев, рисуемые в преувеличенном виде (М. Кофанов и др.). Описание Е. Новиковой-Зариной горцев является яркой иллюстрацией традиции «русского ориентализма», который проявляется в том, что в характеристиках горцев гротескно подчеркиваются и доминируют отрицательные качества, причем для их описания используется определенный набор глаголов и эпитетов, который призван вербально усилить отрицательное впечатление от поведения представителей немирного северокавказского населения.

В то же время пленники, пережившие более или менее длительное погружение в местную обстановку, приходят к все большему и лучшему проникновению в черты характера и мировосприятия тех или иных исторических деятелей (имам Шамиль, круг его родственников и сподвижников) и простых горцев. Их портреты описаны колоритно, порой даже красочно, с применением всего спектра красок. Горское общество и отдельные его члены чаще всего рассматриваются с «общечеловеческих» позиций, отношения между людьми показываются в их сложностях и противоречиях, без тени унижения или иронии (Н. Волконский, Е. Вердеревский и др.). Характеристики горцев Ф.Ф. Торнау в основе своей уважительны, несмотря на перенесенные им мучения. Он отдает должное их качествам: храбрости, скромности, воинственности, не скрывая отрицательных свойств отдельных горцев или сложных сторон исторического быта (пленопродавство и т.п.). Вершиной суждений Торнау об адыгах является его известное: «Не оправдывая черкесов...я не буду и строго судить их»⁴¹.

Горцы уже рассматриваются как *Божьи создания*, что чрезвычайно важно для фиксации определенного, и весьма важного, этапа в процессе постепенного и нелегкого признания *равноценности Другого*. Это признание, которое начало свершаться еще в XIX веке, достигло своей вершины в XX веке. Так, постепенно, мир России и мир горцев, идя по ступеням интеграции и все больше проникая друг в друга, становились единым целым и шли к главной цели – сотрудничеству и взаимному уважению.

В **заключении** сформулированы следующие выводы.

В результате проделанного диссертационного исследования можно сделать следующие выводы. В первой половине XIX века в российском обществе, ряд представителей которого интересовались проблемами Кавказа, звучали различные проекты обустройства региона. Они были выдвинуты как лицами из официальных кругов России, так и людьми, которые входили в число тогдашней оппозиции (декабристы).

Эти проекты включали в себя силовые, репрессивные методы воздействия на кавказцев и хозяйственно-культурные стимулы. Их целью была интеграция горцев в российское социополитическое пространство. В проектах обустройства Кавказа, прозвучавших из официального лагеря, ряд важных и рациональных предложений не были реализованы из-за недобросовестных действий российской бюрократии либо из-за несоответствия конкретной исторической обстановке. Наше исследование показывает, что единой и четко выстроенной стратегии вовлечения Северного Кавказа во внутрироссийские процессы в тот момент не существовало. Кавказская политика России, имевшая в целом мироустроительную установку и преследовавшая цель установления порядка в этом уголке империи и достижения благополучия верноподданных ей народов, была разновекторной. Российские власти не имели однозначной цели вытеснения горцев из традиционных мест проживания и замены их выходцами из других районов страны. Работы авторов

⁴¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. С.179.

«официального лагеря» показывают, что российские власть и общество в указанное время все больше отказывались от принудительных методов «привязывания» горцев к российской государственности, особенно в такой тонкой и деликатной сфере, как вероисповедание, искали варианты наиболее рационального обустройства народов Северного Кавказа в составе России.

Одной из наиболее животрепещущих тем, волновавших российских официальных авторов первой половины XIX века, стала проблема горского «хищничества» и были сделаны важные шаги в выяснении причин «набеговой» практики. Набеги объяснялись уже не «природными», а социокультурными, ментально-этическими и т.п. причинами, связанными с традиционными особенностями исторического развития местного населения.

Большой интерес российские авторы проявляли к личностям горцев, находившимся на российской службе. Их работы позволяют проследить постепенную интеграцию ряда выходцев из верхов северокавказской знати в российскую социокультурную и политическую среду. Оно было нелинейным и диалектичным, сопровождавшимся порой возвратом поверхностно «европеизированных» горских лидеров в «национальную» среду, но неуклонно развивалось по пути все более глубокого освоения российских культурных и политических традиций и применения их в интересах прогресса собственных народов, которые постепенно осознавались как часть российского социума. По характеристикам, данным российскими авторами, можно выделить несколько групп горского дворянства, находившихся на службе у Российского государства, отличающихся друг от друга по степени интегрированности в российскую сферу. Наивысшей ступенью эволюции этих групп было появление горских просветителей, которые видели будущность своих народов в составе нового Отечества. Одновременно следует заметить, что российские авторы в силу недостаточного знания горского общества и его специфики не всегда могли верно оценить реальную степень погружения в российскую среду тех или иных фигурантов из числа нарождающейся горской интеллигенции (В.С. Толстой и Ф.А. Бекович-Черкасский).

Сведения, предоставленные российскими авторами, помогают реконструировать характер духовных воззрений горских народов, которые, особенно на западе северокавказского ареала, под внешней оболочкой мусульманства сохраняли сильные пережитки дополитеистических, политеистических и христианских верований. Это указывает на политический характер военного сопротивления части горцев российскому правительству, поскольку наличие черт полидемонизма, многобожия и т.д., совмещенных с верой в Единого Бога – Аллаха, не соответствует канонам ортодоксального ислама.

Важной задачей диссертационной работы было выяснение того, насколько отличались взгляды тех представителей России, которые находились в оппозиции к правящему режиму, от взглядов деятелей, происходивших из лагеря, лояльного к власти.

Декабристы, как и иные российские авторы, не были некоей монолитной группой, имевшей по поводу Северного Кавказа и его населения, а также методов и перспектив дальнейшего освоения региона российскими государственными структурами единого мнения. Они критически отзывались об уровне хозяйственного развития жителей Северного Кавказа. Но декабристы считали такое положение у горцев временным. У них сформировалось свое видение преобразований на Северном Кавказе, в основе которого лежало стремление вовлечь местное население в проекты развития того, что сегодня называется рекреационной сферой (А.А. Бестужев-Марлинский). Они предлагали дать горцам всевозможные льготы и выгоды, не навязывая им, хотя бы временно, российское законодательство (А.Е. Розен). Большое внимание уделяли просвещению.

Ряд декабристов видели экономическое развитие региона в улучшении методов ведения сельского хозяйства, восприятии горцами передового опыта России (С.И. Кривцов, А.П. Беляев, Н.И. Лорер). Наиболее проникательные из декабристов, не идеализируя сложные черты социального быта горцев (набеги и т.п.), стремились понять их менталитет. А.А. Бестужев по степени своего стремления понять душу «Востока», к которому он относил и Кавказ, принадлежит к числу наиболее передовых людей того времени, во многом чуждых «ориентализму».

Практически все декабристы оставили оценку действий Российского правительства по отношению к населению Северного Кавказа. Мнения декабристов о военных методах можно разделить на две группы. С одной стороны, они демонстрировали понимание необходимости «репрессалий» (А.П. Беляев, А.Е. Розен). Более того, главные идеологи декабризма (П. Пестель) планировали в свое время выселение немирных жителей Кавказа вглубь России, чего не позволяла себе даже государственная власть, ссылавшая только единицы или небольшие группы горцев. С другой стороны, такие декабристы, как Н.И. Лорер, делали справедливые замечания по поводу порой чрезмерной жестокости по отношению к «хищникам». Уничтожение целых аулов не оправдывало в их глазах своей цели.

Поведение самих декабристов на войне с горцами зависело от драматических обстоятельств ссылки. Они вынужденно сражались с горцами, мужеством которых восхищались. В то же время ссыльные офицеры-декабристы, несмотря на свой статус «государственных преступников», не предпринимали попыток бежать к горцам, т.к. не видели в них своих потенциальных «союзников» в борьбе с режимом (эта идея появится только на «пролетарском этапе» освободительного движения в России), ощущали себя, несмотря на явную ущемленность в правах, членами российского социума со всеми его сословными понятиями и ценностями.

Наше диссертационное исследование показывает взгляды на горское общество и ситуацию на Северном Кавказе российских пленников, захваченных во время военных действий или набегов. Положение пленника в неволе в ряде случаев зависело от того, насколько решительно он мог

отстаивать свое человеческое достоинство, а также установить отношения с хозяевами и их окружением, основанные на учете менталитета и традиций горцев, интересе к их языку и культуре, образу жизни.

Уже на стадии захвата общение с пленными шло на русском языке. Знание его горцами не было широким, но поскольку пленопродавство было значимым промыслом для горцев, становилось для них необходимым. Оно требовалось и для меновой торговли, куначеском взаимодействии, а также в разведывательных целях. Общение между горцами и россиянами, в условиях недостаточного распространения русского языка как средства межэтнического общения, происходило также с помощью своеобразного языка, который мы условно именуем «койнэ», т.е. общеупотребительная для всех заинтересованных сторон лексика, являвшаяся смесью русских, тюркских, горско-кавказских и арабских слов. В целом уровень знаний о «русском мире» в горской среде был низким.

Наблюдения пленников касаются достаточно широкого спектра социокультурной жизни и повседневного быта горцев. Их интересовал статус имама Шамиля, его внутренняя политика, социальные противоречия внутри имамата, положение горского дворянства (там, где оно существовало), реже – других слоев общества, те или иные детали повседневного существования: пища, одежда, религиозные верования и обряды. Наиболее образованные пленники проявляли интерес к экономическим и природным ресурсам горцев, рельефу местности. Мемуары людей, побывавших в горской неволе, в целом отличаются высокой степенью достоверности сообщаемых сведений. Они позволили открыть многие грани восприятия представителями «русского мира» горской действительности, ее людей и героев.

Впечатления пленников противоречивы, содержат в себе как отрицательные, так и положительные моменты. Тенденциозные описания горцев (Е. Новикова-Зарина, М. Кофанов и др.) являются яркой иллюстрацией традиции российского «ориентализма». В то же время пленники, пережившие более или менее длительное погружение в местную обстановку, лучше понимали мировосприятия тех или иных исторических деятелей (имам Шамиль, круг его родственников и сподвижников) и простых горцев. Отношения между людьми зачастую показываются пленниками во всех сложностях и противоречиях, без тени уничижения или иронии (Н. Волконский, Е. Вердеревский, Ф.Ф. Торнау). Представители горского мира рассматриваются как *равноценные* исторические партнеры. Это признание начало свершаться в первой половине XIX века. Постепенно мир России и мир горцев, идя по ступеням интеграции и все больше проникая друг в друга, становились единым целым и шли к главной цели – сотрудничеству и взаимному уважению.

Работы российских авторов всех представленных групп позволяют говорить об уровне восприятия россиянами проблем Северного Кавказа.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в список ВАК:

1. Дударев, Д.С. Об особенностях интеграции горцев в социально-политическую и культурную среду России в конце XVIII – первой половине XIX в. (по свидетельствам представителей российского общества)/Д.С. Дударев // European social science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 6. – Т.1. Москва, 2014. – С. 448-454 (0,5 п.л.).

2. Дударев, Д.С. Российские деятели первой половины XIX в. об особенностях социального и политического развития горцев Северного Кавказа / Д.С. Дударев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12. [Часть 1]. – С. 90-95 (0,5 п.л.).

3. Дударев, Д.С. Некоторые произведения мемуарной литературы о «кавказских пленниках» и проблема российского ориентализма / Д.С. Дударев // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал Северо-Кавказского Федерального университета. – Ставрополь, 2016. – № 1. – С. 37-41 (0,5 п.л.).

4. Дударев, Д.С. Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов / Дударев С.Л., Дударев Д.С. // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 79-89.

Статьи в научных изданиях:

5. Дударев, Д.С. Об отношении декабристов к военным действиям на Кавказе / Д.С. Дударев // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23-24 октября 2009 г.). – Ставрополь, 2009. – С. 168-172 (0,25 п.л.).

6. Дударев, Д.С. Черты повседневной жизни северокавказских горцев в мемуарах декабристов / Д.С. Дударев // Вопросы южнороссийской истории.– Москва; Армавир, 2010. – Вып.16. – С. 42-48 (0,35 п.л.).

7. Дударев, Д.С. Декабристы о женщинах Северного Кавказа / Д.С. Дударев // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2010. - С. 184-192 (0,45 п.л.).

8. Дударев, Д.С. К вопросу о взглядах декабристов на кавказскую действительность (на примере С.И. Кривцова) / Д.С. Дударев // Россия и Кавказ: история и современность глазами молодежи. Материалы Всероссийской научной Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 10-30 мая 2010 г. – Карачаевск, 2010. – С. 36-39 (0,2 п.л.).

9. Дударев, Д.С. А.П. Беляев о казаках Северного Кавказа / Д.С. Дударев // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. – Армавир, 2011. – С. 54-56 (0,15 п.л.).

10. Дударев, Д.С. Горцы и горский плен в свете воспоминаний очевидца / Д.С. Дударев // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2014. – С. 59-64 (0,3 п.л.).

11. Дударев, Д.С. Северокавказский просветитель Ф.А. Бекович-Черкасский глазами декабриста В.С. Толстого (к вопросу о восприятии представителей горцев российским обществом первой половины XIX в.) / Д.С. Дударев // Аспирантский вестник Армавирской государственной педагогической академии. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – Вып.4. – С. 17-22 (0,3 п.л.).

12. Дударев, Д.С. Российский офицер о горском предводителе (Ф.Ф. Торнау и хаджи Джансеид) / Д.С. Дударев // Виноградовские чтения Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). – Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. – С. 130-133 (0,2 п.л.).

13. Дударев, Д.С. Российский автор о событиях начала 1860-х гг. на Северо-Западном Кавказе / Д.С. Дударев // III Сиротенковские чтения: материалы Международной научной конференции. – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – С. 181-185 (0,25 п.л.).

14. Дударев, Д.С. Женщина-казачка в горской неволе: о восприятии иномира «кавказской пленницей» / Д.С. Дударев // Историко-археологический альманах. - Армавир; Краснодар; Москва, 2015. – Вып. 13. — С. 159-165 (0,4 п.л.).

15. Дударев Д.С. Российские авторы середины XIX в. об отношениях государства с исламом и мусульманским населением Северного Кавказа / Д.С. Дударев // История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. – Армавир: РИО АГПА, 2015. – Вып. XII. – С. 16-20 (0,25 п.л.).